

Ранним утром Шэнь Цинжань перевернулся под одеялом. Сквозь сон до него донесся какой-то шум — словно в тот день, когда в дом вломились хулиганы. Пронзительные крики резали слух. Он потер уши и сел, кутаясь в одеяло.

— Это моя скотина!

— Да хоть в управу жалуйтесь, правда на моей стороне! Зови сюда Шэнь Цинжана, пусть ответит мне глядя в глаза!

Шэнь Цинжань, едва проснувшись, на мгновение оторопел. В этом потоке бессмысленной ругани попытки Сюэ Фэйфэна воззвать к голосу разума тонули так, что их почти не было слышно.

Кто-то уже положил глаз на коров, которых он только вчера вывел из системы? Ну, положил и положил, но зачем же обижать Сюэ Фэйфэна, пока он спит?

Шэнь Цинжань с небывалой скоростью натянул одежду и выскочил во двор. Там толпилась группа незнакомцев, которые взяли Сюэ Фэйфэна в плотное кольцо и с яростью требовали от него ответа.

Семья, потерявшая двух животных, как раз приходилась родственниками старосте деревни. Поэтому всеми уважаемый староста сейчас говорил с явной предвзятостью:

— Фэн-цзы, во всей нашей деревне скот держит только семья Бопина. Во время весенней вспашки и осеннего сбора урожая он всегда охотно одалживает его соседям. Кража скота — тяжкое преступление, так что лучше верните коров по-хорошему.

За то, чтобы «одолжить» вола у Ли Бопина на один раз, нужно было заплатить пять медных монет, да еще и три дня косить траву для его скотины, так что это трудно было назвать одолжением. Однако из-за того, что во всей деревне Лицзяцунь скот был только у него, односельчанам приходилось мириться с этим и всегда встречать его с улыбкой.

В эпоху земледелия кража и забой скота считались тяжкими преступлениями.

Сюэ Фэйфэн и сам был в полном неведении относительно этого «двоюродного брата» и не мог толком объяснить происхождение двух животных, но он верил Шэнь Цинжаню. Тот даже управлять ослиной повозкой учился полдня, так с чего бы ему приводить домой огромных коров на свою голову?

— Теща, пожалев Цинжана из-за тяжелой работы в поле, вчера специально прислала ему эту пару. С какой стати они вдруг стали вашими? У вас есть доказательства?

Семья Ли Бопина держала четыре или пять голов скота, над которыми они тряслись как над величайшим сокровищем. Молодые, крепкие волы и телята стояли запертыми в хлеву и использовались только для нужд самой семьи, а старых животных сдавали в аренду. Если же со старой скотиной что-то случалось, Ли Бопин обожал тянуть из людей деньги. Сельчане знали, что у него есть скот, но толком его и не видели.

С одной стороны, он хотел сохранить монополию на тягловый скот, а с другой — вчера Ли Бопину стало невыносимо тошно, когда он увидел, как Шэнь Цинжань гордо ведет домой вола и корову. И надо же было такому случиться: именно в тот день у него со двора пропали две головы!

Ли Бопин был уверен: это Шэнь Цинжань украл его скотину и выменял у чужаков на этих двух! Не имея доказательств, Ли Бопин решил просто присвоить животных Шэнь Цинжана себе, заявив, что это его пропажа.

— Все знают, что в прошлом году моя корова отелилась двойней. Не верите — пойдите и пересчитайте у меня в хлеву, как раз двух не хватает!

Сельчане закивали. Сегодня Ли Бопин впервые распахнул двери своего хлева для всех желающих, и животных там действительно поубавилось.

— Я их столько времени растил, что узнаю, даже если они превратятся в пепел! — с непоколебимой уверенностью заявил Ли Бопин.

Половина зевак поверила словам Ли Бопина, а другая половина, помня о том, что им еще придется одалживать у него скот, тоже встала на его сторону.

Растолкав толпу, Шэнь Цинжань подкатил инвалидное кресло и усадил в него Сюэ Фэйфэна. Затем, уперев руки в бока, он приготовился к бою — уж чего-чего, а скандалить он никогда не боялся.

Вздернув подбородок, он жестом велел Ли Бопину продолжать.

Его дойная корова была элитной помесью голштинской породы и местной желтой коровы — крупная, черно-пестрая красавица с невероятными удоями! Да куда вашим буренкам до нее?!

Шэнь Цинжань рассудил, что обычный крестьянин ни за что не сможет описать такие особенности.

— Моя корова: ноги белоснежные, туловище черное, на макушке белое пятно размером с ладонь, а над правым задним копытом, дюймах в двух, черное пятнышко с медную монетку, — выпалил Ли Бопин. Вчера, увидев, что Шэнь Цинжань ведет животных исключительной стати и с крепкими ногами, он готов был поклясться, что в мире не сыскать породы лучше. От зависти у него аж глаза кровью налились, поэтому он в мельчайших деталях запомнил внешний вид чужого скота.

Шэнь Цинжань кивнул и отправился на задний двор, чтобы вывести коров. Вчера он сам толком их не разглядывал, но сейчас, едва взглянув на них, почувствовал, как сердце ушло в пятки. Конец. Все в точности так, как описал Ли Бопин.

Что за человек такой?! Как можно с такой пугающей точностью запомнить чужую собственность!

Если я смогу описать особые приметы твоей жены, она что, тоже станет моей?!

Как только животные оказались во дворе, взгляды, бросаемые на Шэнь Цинжана, тут же изменились. Из презрения к его дурной репутации и затаенной зависти, сельчане начали тыкать в него пальцами. Припоминая старые грешки, они принялись прямо при Сюэ Фэйфэне обсуждать, как прежний хозяин этого тела водил дружбу с хулиганами и устраивал дома круглосуточные попойки.

Шэнь Цинжань испуганно покосился на Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн, которому в прошлом приписывали какие угодно рога, сохранял абсолютное

спокойствие. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Но когда из толпы донеслось презрительное «слабак», у Шэнь Цинжання от ярости покраснели глаза.

При виде двух роскошных животных в глазах Ли Бопина мелькнула алчность. Он нетерпеливо бросился вперед, чтобы вырвать поводья, а когда Шэнь Цинжань не отпустил их, этот наглец принялся силой разжимать ему пальцы.

— Люди добрые, смотрите, доказательства налицо! Аж дар речи потерял, да?! Молчишь — значит, совесть нечиста! А ну, отдавай мою скотину! — Из-за угла, невидимого для остальных, Ли Бопин свирепо уставился на Шэнь Цинжання, надеясь его запугать.

«Ну уж нет! Я сейчас взорвусь от злости! Я должен все объяснить!»

Это был не первый раз, когда Шэнь Цинжання вот так притесняли, пользуясь его немотой, но впервые это происходило на глазах у Сюэ Фэйфэна. Ему было невыносимо стыдно. Он боялся, что Сюэ Фэйфэн, как и эти зеваки, решит, будто он и вправду вчера украл коров.

Хотелось разразиться отборной бранью.

«Нельзя... иначе я выдам себя!»

«Да плевать, я больше не могу это терпеть!»

«Подожди еще немного. Разве ты не боишься, что Сюэ Фэйфэн вышвырнет тебя из дома?»

Вжи-их! — Острый меч подобно молнии прошил воздух между Ли Бопином и Шэнь Цинжанем. Холодный блеск стали ослепил всех присутствующих, остановив грязные руки Ли Бопина в миллиметре от Шэнь Цинжання.

В воздухе повисла звенящая тишина.

Ли Бопин побледнел как полотно. Еще никогда в жизни он не был так близок к смерти. Он дрожащей рукой поднес к лицу пальцы: ноготь на среднем пальце был срезан наполовину, и тупая боль лишь сейчас начала давать о себе знать.

Сюэ Фэйфэн медленно развернул инвалидную коляску. Его взгляд был холоден, словно он смотрел на покойника:

— Мы с Цинжанем люди рассудительные. Но если кто-то посмеет распускать руки, пусть пеняет на себя — Владыка Ада рассуждать не станет.

Успех полководца устлан десятками тысяч костей.

Взгляд Сюэ Фэйфэна вселил в Ли Бопина леденящий ужас. Ему почудилось, будто в этих глазах бушует вечная песчаная буря, сотканная из чистой жажды крови. По сравнению с этим его собственные попытки запугать Шэнь Цинжання казались жалкими ужимками, способными испугать разве что трехлетнего ребенка.

Шэнь Цинжань тоже на мгновение замер. Это был второй раз, когда Сюэ Фэйфэн пустил в ход оружие. В первый раз это случилось через окно, и целью был он сам. Но сейчас он во всех подробностях разглядел молниеносное движение Сюэ Фэйфэна.

Бросив поводья, он в два счета оказался рядом с креслом Сюэ Фэйфэна. «Да мой названный братец просто невероятно крут!»

В воцарившейся тишине разгоряченный мозг Шэнь Цинжання немного остыл. Это его животные. Позволить каким-то проходимцам нагло отобрать их прямо в его собственном дворе было бы немыслимо.

Он наклонился и вывел строчку на ладони Сюэ Фэйфэна.

Окружающие заворуженно наблюдали за этим безмолвным общением, не смея нарушить момент. У них возникло странное чувство: эта пара перед ними казалась настолько гармоничной, словно слилась в единую мелодию, и любой лишний взгляд был подобен святотатству.

Сюэ Фэйфэн отвел упавшую на лицо Шэнь Цинжання прядь волос и, сжав ладонь, чтобы унять оставшуюся от прикосновения щекопку, произнес:

— Словами можно легко перевернуть черное и белое. Давайте лучше посмотрим, кого сама скотина признает своим хозяином.

Староста, окончательно потерявший контроль над ситуацией, лишь неуверенно поддакнул:

— И как же нам это проверить?

— Ли Бопин, ты утверждаешь, что это твой скот, что ты сам его вырастил. Значит, он точно станет есть из твоих рук. — На самом деле Сюэ Фэйфэн не особо верил в затею Шэнь Цинжання. Животные выглядели такими смиренными, что, казалось, возьмут корм у кого угодно. Но голос его звучал твердо и безапелляционно: — Вы с Цинжанем по очереди дадите им травы, и мы посмотрим, из чьих рук они будут есть.

— Что ж, это справедливый способ, — кивнул староста и, явно подыгрывая родственнику, добавил: — Бопин, начинай ты.

Шэнь Цинжань посмотрел на этого донельзя предвзятого старика и усмехнулся про себя. Староста хотел, чтобы Ли Бопин кормил первым, надеясь, что если животные поедят из его рук, то до Шэнь Цинжання очередь просто не дойдет.

Вот только незадача: животных первого поколения, выданных системой, мог кормить исключительно он сам. Любые чужие руки исключались. И это дурацкое правило сейчас сослужило ему отличную службу.

Опытный в разведении скота Ли Бопин пришел во всеоружии. Он вытащил из-за пазухи охапку любимого коровьего лакомства — сушеного сена — и поднес к мордам животных.

К всеобщему изумлению, коровы отвернули морды, даже не принявшись. Не веря своим глазам, Ли Бопин попытался насильно запихнуть сено им в пасть, но тут же получил удар копытом от разъяренного животного и взвыл от боли.

— Так не пойдет, они просто сыты! Нужно придумать что-то другое! — завопил он.

Шэнь Цинжань как ни в чем не бывало вырвал из земли пучок жухлой сорной травы. Он никогда не ухаживал за скотом, и сорняк оказался жестким и старым. Но обе коровы тут же послушно потянулись к рукам Шэнь Цинжання. Сжевав траву, они облизались, всем своим

видом показывая, что не отказались бы от добавки.

Опешивший Ли Бопин попытался под шумок снова подсунуть свое сено, но в ответ корова лишь презрительно фыркнула ему в лицо.

Толпа ахнула.

Подоспевшая тетушка Чжан, быстро вникнув в суть происходящего, не стесняясь в выражениях, накинулась на него:

— Ли Бопин, ты и так сдираешь с людей втридорога за своих коров, а мы терпим и помалкиваем. А теперь, увидев, что у Фэн-цзы тоже появилась скотина, испугался конкуренции, да?!

Настроение в толпе резко переменилось. До сельчан вдруг дошло, что появление скота у Шэнь Цинжана — им только на руку. Все тут же принялись припоминать, на каких кабальных условиях Ли Бопин одалживал тягловую силу. А сегодня, заглянув в его хлев, они убедились, что лучших, самых сильных волов он приберегал исключительно для себя!

Лицо Ли Бопина то зеленело, то краснело от стыда и злости.

Тетушка Чжан, поймав волну, продолжила обличать:

— Вот именно! Цинжань сейчас в положении, в поле работать не может. Что такого в том, что они купили волов?! Коровы смогут работать за нее, а ты что, впряжешься вместо нее в плуг?! — Тетуске просто хотелось найти логичное оправдание покупке коров.

Шэнь Цинжань: «...» Умоляю, замолчи.

Все взгляды разом устремились на живот Шэнь Цинжана, а затем скользнули чуть выше — на его совершенно плоскую грудь.

А затем по толпе прокатился гул понимания, и сельчане закивали головами.

«Неудивительно, что они прикупили еще и дойную корову. С таким-то телосложением молока там явно не будет».

«Фэн-цзы — единственный наследник в семье, надо все продумать заранее».

Поймав на себе эти полные сочувствия и понимания взгляды, Шэнь Цинжань, не зная, что за небылицы они себе там нафантазировали, от жгучего стыда и злости больно ущипнул Сюэ Фэйфэна за руку.

«Твоих рук дело! А ну, объясняйся!!!»

Под перекрестным огнем горящих глаз односельчан и угрожающим взглядом Шэнь Цинжана, готового вцепиться в него когтями, от грозного генерала, обнажавшего меч, не осталось и следа. Сюэ Фэйфэн открыл было рот:

— Тетушка Чжан ошиблась. Цинжань не ждет ребенка.

Никто ему не поверил.

Покраснев от злости до корней волос, разъяренный, словно взъерошенный кот, Шэнь Цинжань

умчался в дом.

Представление на этом подошло к концу. Но Сюэ Фэйфэн внезапно окликнул собравшегося улизнуть Ли Бопина:

— Раз уж все сегодня в сборе, позвольте спросить. Ты говоришь, что у тебя пропали две коровы. По закону тягловый скот, даже если он пал, подлежит только захоронению. Забой скота — это тяжкое преступление. Ты признаешь свою вину?

Ли Бопин в панике замахал руками:

— Они просто пропали, никто их не убивал!

В толпе сын Ли Бопина, Ли Чжу, испуганно пряча глаза, попытался под шумок скрыться. Но вдруг споткнулся и полетел носом в грязь.

Сюэ Фэйфэн на костылях подошел к нему, ухватил Ли Чжу за пояс и приподнял. Тот дважды конвульсивно рыгнул, и Сюэ Фэйфэн с отвращением отшвырнул его в сторону.

Едва коснувшись земли, Ли Чжу побледнел и его стошнило. Он уже давно облизывался на домашний скот. Услышав, что мясо молодого теленка невероятно вкусно, он сговорился с парнями из соседней деревни, втихаря увел коров, одну продал, а вторую пустил под нож. Вся эта шайка пировала в горах до самого рассвета — столб дыма от их костра был виден издалека.

Насытившись, он начал ломать голову над тем, как объяснить все отцу. А когда услышал, как Ли Бопин без конца твердит о коровах во дворе Шэнь Цинжэня, подбил отца пойти и «опознать» своих животных.

— Хорошо погуляли прошлой ночью? — Сюэ Фэйфэн брезгливо отодвинулся подальше. — А если сейчас пойти на задний склон горы и немного там копнуть, как думаешь, что мы найдем?

Сюэ Фэйфэну, повидавшему множество военных кампаний, этот запах был слишком хорошо знаком. Как-то раз, когда метель не утихала три дня кряду и провиант был на исходе, несколько солдат втайне увели корову из соседней деревни. После их пиршества от них разило точно так же, как сейчас от Ли Чжу. Обычные крестьяне не обратили бы внимания на запах, но Сюэ Фэйфэна провести было невозможно.

Ли Чжу изрыгнул непереваренные куски мяса, и теперь отпираться было бессмысленно.

Обезумевший от гнева Ли Бопин подскочил к сыну, пнул его пару раз, осыпая проклятиями и называя «позором семьи», а затем, схватив за ухо, потащил домой, чтобы задать взбучку.

— Ли Чжу сознательно нарушил закон. Как же так? Перед лицом государственного закона вы собираетесь обойтись лишь домашней трепкой? — Сюэ Фэйфэн был твердо намерен преподать им урок.

Староста попытался сгладить углы:

— Фэн-цзы, дела нашей деревни не стоит доводить до уездного суда. Обойдемся легким наказанием в назидание остальным.

— Да-да, — с горечью закивал Ли Бопин.

Сюэ Фэйфэн отрезал:

— Во-первых, с сегодняшнего дня и в течение следующих пяти лет аренда вашего скота будет бесплатной для всех. А во-вторых, идите и извинитесь перед Шэнь Цинжанем.

Сельчане и подумать не могли, что, придя поглазеть на чужую ссору, окажутся в таком выигрыше. Все наперебой стали торопить Ли Бопина с извинениями. Каждый втайне размышлял о том, что Фэн-цзы, побывав на войне, стал совсем другим человеком — при деньгах, с характером, да еще и Шэнь Цинжань от него так быстро понес. И почему только они в свое время не выдали за него своих дочерей?

Сельчане избирательно забыли о ходивших по деревне сплетнях о том, что Сюэ Фэйфэн, скорее всего, воспитывает чужого отпрыска. Раз он так нежно относится к Шэнь Цинжань, то ребенок в чреве уж точно от него.

Отец и сын семейства Ли покорно стояли перед дверью, рассыпаясь в извинениях:

— Госпожа великодушна, умоляем, простите нас. Впредь, как только будем заготавливать сено, первым делом будем отдавать вашей скотине...

Глаза Шэнь Цинжаня радостно блеснули. Он как раз ломал голову над тем, чем прокормить этих прожорливых животных, ведь зимой трава сохнет, и заготовка кормов превратилась бы в настоящую пытку. И тут корма сами приплыли к нему в руки!

Ли Бопин продолжил причитать:

— Только не волнуйтесь. Вот моя жена на ранних сроках беременности перенервничала из-за этих упрямых коров, потому и родила такого бестолкового сына. Так что вы, ради бога, не гневайтесь...

Сюэ Фэйфэн схватился за голову. Опять наступил на больную мозоль.

И, конечно же, Шэнь Цинжань пулей выскочил из дома:

«Я не беременный, катитесь отсюда!»

Отец и сын Ли мгновенно испарились.

Шэнь Цинжань перевел полный обиды взгляд на Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн примирительно поднял руки:

— Только не волнуйся...

Но, поняв, что начал в точности как Ли Бопин, благоразумно осекся.

*

Шэнь Цинжань как-то заглядывал в их гороскопы «бацзы» и, конечно же, запомнил день рождения Сюэ Фэйфэна — третье число двенадцатого лунного месяца. День рождения первоначального владельца тела тоже приходился на последний лунный месяц.

Их фиктивные дни рождения выпали на один и тот же месяц.

Шэнь Цинжань вспомнил, как отмечал свой день рождения в прошлой жизни. Его родная мать, такая же ленивая, как и он сам, в этот день всегда лично становилась к плите, чтобы

приготовить ему тарелку "лапши долголетия".

На вкус, правда, это было просто отвратительно.

Шэнь Цинжань решил, что он тоже должен приготовить для Сюэ Фэйфэна вкусный ужин.

Но, памятуя о горьком опыте, он понимал, что в этом вопросе по стопам матери идти нельзя.

Шэнь Цинжань твердо вознамерился научиться готовить.

Более того, ему хотелось устроить Сюэ Фэйфэну настоящий сюрприз. В идеале — найти мастера поварского искусства и втайне перенять у него пару приемчиков.

Шэнь Цинжань как-то слышал от тетушки Чжан, что на самой окраине деревни, в лощине, живет один старик. В молодости он служил поваром в княжеском дворце, но когда в стране начались беспорядки, вернулся в родные края. Характер у него был прескверный, и с односельчанами он не водился. Тетушка Чжан болтала, будто в свое время этот повар влюбился в княжескую дочь, и та ответила ему взаимностью. Но социальная пропасть между ними была слишком велика. Узнав об их связи, князь приказал избить повара и вышвырнуть его вон. С тех-то пор характер старика и начал портиться.

Одному богу известно, откуда у тетушки Чжан столько сплетен. И она обожала делиться ими с Шэнь Цинжанем — ведь он был немым, а значит, секрет дальше него не уйдет.

Шэнь Цинжань трезво оценивал свои способности. Если его возьмется обучать тетушка Чжан, то при его талантах стряпня все равно выйдет отвратительной. А вот если наставником станет бывший дворцовый повар, то даже капля его мастерства сделает блюдо вполне съедобным.

Ну и пусть характер скверный. Уж чего-чего, а красноречия и настойчивости Шэнь Цинжаню не занимать. Главное — переодеться в мужское платье, чтобы можно было заговорить, и тогда он точно уговорит старика!

В это же самое время у одного генерала по фамилии Сюэ возникла точно такая же идея.

<http://bllate.org/book/17933/1960834>